

УДК 821.111–1

Семешко Н.М.,
кандидат філологічних наук,
Днепропетровский національний університет
імені Олеся Гончара

“THE CASE OF K. CHARLES I. TRULY STATED” СЭМЮЭЛЯ БАТЛЕРА: АВТОРСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ НА ФОНЕ ЖАНРОВО-СТИЛЕВОЙ ПАРАДИГМЫ РИТОРИКИ

В сфере современного литературоведения, определяющей “историко-литературный образ XVII столетия” (Н.Т. Пахсарьян), соотношение концептов автора, жанра и стиля как в русле формирования эстетической целостности художественного произведения, так и в контексте становления исторических типов поэтики остаётся фундаментальной и актуальной проблемой, “векторами” своей разработки обозначающей “силовые линии” оформления научной картины “перехода” литературы от традиционализма к Новому времени.

Впервые представ особой “литературной эпохой”, отмеченной господством единого стиля, подчинившего себе жанровое измерение авторского самоопределения, в академических историях национальных литератур, созданных представителями культурно-исторической школы (Ф. Брюнетьером, Г. Лансоном [18; 22]) на рубеже XIX–XX веков, период движения художественной словесности в “большом времени культуры” (М.М. Бахтин), локализованный между Возрождением и Просвещением, вплоть до 90-х гг. прошедшего столетия в рамках рефлексии историко-литературного процесса связывался с установлением стилевой доминанты авторства, задающей эстетику словесного творчества, обуславливающую и поэтологическую организацию конкретных жанров [2; 5; 12; 15]. Правда, само видение стилеобразующего начала литературы XVII века за сто лет осмысления её своеобразия в пространстве методологического плюрализма существенно эволюционировало: если филологические умы первой половины XX столетия склонялись к утверждению классицизма в качестве “смыслового ядра” (А.В. Михайлов) рассматриваемого этапа литературной истории [11], то 1960–1990-ые гг. ознаменовались “передачей” этого же статуса барокко [13]. В свою очередь, расширение барочного типа культуры до её парадигмы, прокладывающей границу между ренессансным гуманизмом и просветительским рационализмом, повлекло за собой проблематизацию и феноменов классицизма и барокко, и их взаимоотношений как в синхронном, так и в диахронном “срезе” культурного развития [13].

Так образовалось поле идей, в котором, с одной стороны, сформировалась концепция XVII столетия как эпохи кризиса идеалов Ренессанса, “выросшая” на почве социологически ориентированного литературоведения и разграничившая классицистический и барочный способы этико-эстетического преодоления кризисного мироощущения как пути становления поэтики двух основных литературных направлений того исторического периода [10; 11; 15], а с другой, –

обнаружились тенденции к “сжиманию” на различных методологических основаниях – от структурализма и герменевтики до неоиоризма [20] – как временных “пределов” барокко, “притесняемого” маньеризмом [2], так и пространственных “очертаний” классицизма, сводимого к французскому варианту изначально противопоставленного ему типа художественного мышления [12].

Все эти сдвиги в определении историко-литературной репутации века Генриха IV и Людовика XIII акцентировали “избыточность” основополагающих для неё принципов искусства слова по отношению к ретроспективным генерализациям “стиля эпохи” [18; 22]. Тем самым обозначилась необходимость пересмотра модели исторического описания, исходной для прояснения “лика” “литературного XVII столетия”.

Литературоведческим итогом XX века, связанным с постижением “переходности” культурных трансформаций, произошедших “на изломе” традиционализма, стало выявление основных предпосылок обновления матрицы научного дискурса, вовлечённой в рецепцию и “полосы общения”, и “границ разобщённости” (Д.С. Лихачёв) Возрождения и Просвещения. В числе таких познавательных установок выделились поиски мировоззренческой субстраты взаимодействия классического и барочного сознаний, обеспечивающей преодоление их противостояния, и восстановление в историко-теоретических ретроспекциях конфигурации изменений доминанты художественного мышления, оформляющих целостность конкретного этапа исторического движения литературы множественностью слагаемых словесного творчества.

Попытки социокультурного обоснования “сопричастности” ведущих стилей европейской словесности XVII века, воплотившиеся в осмысление её “противоречивого единства” как проявления стилистической и исторической “многомерности” мировосприятия, присущей этому периоду (Д.С. Лихачёв [9; 10], А.В. Михайлов [11], М.Л. Андреев [7], В. Тапье [24], Ж. Базен [17], дезавуировали глубинную ментальную “монолитность” позднего традиционализма, “скрытую” границами, разделяющими его культурные эпохи, и не сводимую к тождеству ренессансной диалогичности мышления и его антиномичности, устанавливаемой барокко и преодолеваемой классицизмом [7], но заключающуюся в дуалистичности смыслопорождения, обеспечивающей “децентрализацию” видения мира [15]. Однако сопряжение авторской субъективности со стилевыми доминантами, отвлекаемое от жанрового измерения литературного творчества при таких истолкованиях его способов, наделённых потенциалом формирования “единого художественного мира, где они непрерывно взаимодействуют и порождают друг друга” [7, 23], неизбежно привело к акцентуации преемственности “столетия противоречий” по отношению к эпохе “гармонизации напряжений” [2] на фоне игнорирования разграничивающих их “кризисов и переломов”, что обусловило и распространение на литературу последующего исторического периода модели творчески-личного приобщения к “готовому слову”, генерализированной поэтикой раннего и “высокого” Возрождения в качестве матрицы эстетической деятельности

[12; 15; 16], и определение духовной атмосферы XVII века как “гуманистического рационализма” [25].

Опыты воссоздания динамики воплощений “закона доминанты” художественного мышления, разделяющих и соединяющих стадии оформления искусства слова позднего традиционализма как “осознанного поэтико-риторического единства” (С.С. Аверинцев, М.Л. Андреев, М.Л. Гаспаров, П.А. Гринцер, А.В. Михайлов [7]) возобновили – в ходе прокладывания типологического пути решения основной задачи исторической поэтики, сформулированной А.Н. Веселовским [4], – архитектуру триады поэтологических детерминант словесного творчества, определившую сосуществование барочных и классицистических тенденций. Но, вернув жанру – в пределах литературного XVII столетия, первоначально выделенного как этап выдвижения великих стилей, – статус формы самовыражения автора, сводящей принципы стилеобразования к собственным маркерам, и связав освоение ренессансной жанровой системы на этом этапе исторического движения литературы с компенсацией утраты ею непосредственной связи со смысловыми структурами бытия обретением “новой абстрактно-категориальной опоры” [7] такая трактовка соотношения концептов поэтики, задающего этико-эстетическое своеобразие “эпохи противоречий”, в известной мере нивелировала жанрообразующие эксперименты рассматриваемого периода, ставшие столь же важными способами авторской самореализации на фоне осознания зыбкости мировоззренческих основ, “расшатывающего” и устоявшиеся стилевые матрицы, как и воссоздания “готовых” моделей художественной словесности [13].

Задавая современную диспозицию осмысления принципов формирования литературы XVII века, эти подступы к их определению, по точному замечанию Н.Т. Пахсарьян, в большей мере углубляют постановку заявленной проблемы, чем конкретизируют пути и этапы её решения во многом благодаря стремлению литературоведов к предельному обобщению движущих сил историко-литературного процесса, “укрупнению” его периодизации, обретением “дальней” перспективы видения литературной эволюции, влекущим за собой расширение инструментария её исторического описания [13]. Образуя достаточно прочный фундамент рефлексии исхода традиционализма, такие познавательные ориентации отвлекают внимание исследователей от “фактов и подробностей” словесного творчества, порой дающих “ключ” к постижению формообразующих начал конкретного фрагмента истории искусства слова.

В русле дополнения “обобщающих” научных репрезентаций сопряжённости категорий автора, жанра и стиля, задающей “переходный характер” столетия барокко и классицизма, конкретизациями аспектов взаимодействия этих способов художественного мышления актуальным представляется и обращение к творческому эксперименту известного английского сатирика XVII века Сэмюэля Батлера (1612–1680). Целью предлагаемой статьи является определение – на основе соединения историко-генетического и историко-типологического подходов с

соціокультурної методикою аналізу – своєобразія створеного їм прецедента оновлення жанрово-стилевої парадигми класическої риторики, створившого оригінальний спробу утвердження індивідуального авторства в історико-культурному контексті пізнього традиціоналізму.

В Англії раніше, ніж в інших країнах, склалася та об'єктивна соціально-історическа і естетическа обстановка, котра обумовила формування публіцистических жанрів. Св'язь соціально-політическої боротьби з релігійною була характерною особенністю англійської дійсності XVII століття і визначила своєобразіє літературного процесу, в котрому основна роль була відведена прозаїческим творам з яскраво вираженим риторико-публіцистическим початком і поетическим жанрам з нравственно-етическої і філософської проблематикою. Причиною расцвету жанру *політическої публіцистики* стали швидко розвиваючіся події англійської революції. В це час всі релігійно-політическі групування висунули видатних майстрів публіцистики (серед них Гаррінгтон, Лільберн, Уінстенлі). Риторико-публіцистическе початок яскраво виражене і в творчестві найбільшесих представителів художественної літератури – Мільтона і Беньяна. О рості громадського мненія свідечествує виникнення періодическої друку. Публіцистическість стає неотъемлемою рисою всіх літературних жанрів, аж до утопії.

Нові соціально-економіческі відносини, духовне спілкування між людьми обумовили народження принципіально нових форм в літературі (від “малесих” жанрів – есе, “характерів”, автобіографій – до об'ємних романів). Серед всієї маси публіцистическої літератури XVII століття найбільшою історическою і художественною цінністю представляють твори видатного англійського літератора Семюеля Батлера. Сатирическа публіцистика Батлера – явленіє специфіческе і самобітне, представляючее собою закономірний ідейно-художественний відгук на політическу злободневність, причинно-обумовленне породження атмосфери кризи гуманізму, мучительного часу революційних потрясінь, в умовах котрих формувалася новий тип гуманізму, нові стилі, жанри, глибоко особисті форми прози (“характери”, інтимно-психологіческі есе, мемуари). Сатирі Батлера присуще обобщеніє типових ситуацій і характерів, висновки в дусі класицизму. Його публіцистика різке, політическі гостріє публіцистики роялістів і менше дидактична, нравовчителна, ніж публіцистика пуритан.

При аналізі творів Батлера необхідно враховувати, що “ненавістник пуританства, він майже з такою ж силою ненавідед дух Реставрації” [14]. Видатний публіцист “не відед в пуританстві положителного початку, як не находил його і в нравах Реставрації, що вплинуло на специфіку мироощущенія сатирика, преломленного в його публіцистикі” [14]. Писателю в однаковій степені чуждес цинізм, “легкість” літератури роялістів і гуманістический оптимізм Мільтона і Беньяна.

Для литературной эпохи, создавшей такого публициста, как Сэмюэль Батлер, характерно отсутствие ренессансного единства, т.е. слияния личного и общественного начал. Батлер противостоит тем писателям реставрации, которые отошли от больших политических проблем в интимно-личностную сферу. И в этом отношении, как это ни парадоксально, он ближе певцу пуританской революции, чем другим литераторам XVII века. Его публицистика имеет двуединую цель – политическую и художественную, что обусловлено глубоко прогрессивными взглядами Батлера на роль и назначение писателя в общественной борьбе своего времени (см., например, его “Сатиру на дурного поэта”). Творчество Батлера – значительное явление литературной эпохи, где превалирует изображение и осмысление изъянов, язв, уродств окружающей действительности. Сатирическое осмеяние писателем глупости, хвастовства, ренегатства близко и понятно современному читателю. Батлер, по словам издателя Тайера, “единственный в своем роде писатель” [23]. Пусть он, как считает Ю.Б. Виппер, “не сумел увидеть большое историческое значение событий 1648 года” [5]. Но он сумел различить, понять противоречия, возникшие в ходе революции между английской буржуазией и новым дворянством, с одной стороны, и народом – с другой, в силу чего его критика английской буржуазной революции, в отличие от реакционеров абсолютизма, носила демократический характер.

Рассматривая жанровую специфику “The Case of K. Charles I. Truly Stated”, следует выделить основные ярко выраженные произведения: историчность, патетичность, столкновение позиций личности *писателя* с внеличным (историческим, социальным), сочетание “зримой” событийности с остро выраженным критическим и полемическим пафосом. Смелая сатира, иронический анализ памфлета Джона Кука, проведенный Батлером, позволяют нам говорить о хлесткой, отчасти рационалистической сатире “The Case ...” о сатире многослойной: открыто социально-политической, с элементами философской и литературной критики. В этой многослойности сатиры – важная типичная черта метода Батлера. В рамках своего произведения писатель создал новую форму сатирического обличения. Жанровая форма “The Case ...” вырастает из соединения разного материала, она еще не отшлифована, в ней отчетливо проявляются различные начала: ораторской речи, проповеди, морализаторского комментария, эссе, “характера”, политического памфлета, публицистического расследования. Специфика произведения заключается в своеобразном сплетении этих жанров, что свидетельствует о накоплении черт новой литературной формы в прозаической манере Батлера, в результате нового понимания изобразительных возможностей художественного языка и стиля. Жанр “The Case ...” определен во введении как “discourse” (речь, лекция, слово, трактат, рассуждение, беседа, способность показывать, обоснование), что наводит на мысль о неоспоримой публицистичности произведения, так как самая главная цель публицистики – отстоять определенную точку зрения, повлиять на общественное мнение. С первых строчек *ощущается вторжение ораторско-публицистического* начала: ораторские интонации в

авторских обращениях к оппоненту и читателям в русле присущей барокко активизации связи “автор-читатель” (“<...> a Book of yours I needed not trouble the Reader with <...>” [19, 52]), многочисленные риторические вопросы. Одновременно по своей проблематике “The Case ...” близко и жанру проповеди. Сочетание взволнованной открытости (“The Injustice of the Sentence”, “the false Logick and worse Law”) [19, 56] и риторической приподнятости – нагромождение сравнений, метафор, энергичных градаций – характерно для жанра эссе, свойственного веку революционных потрясений (“эссе – пропаганды идей” [3]).

С жанром эссе “The Case ...” объединяет тон беседы, некоторая спонтанность, необработанность, специфическая форма, нечеткость жанрового канона. Общим для них является выражение индивидуального впечатления и суждения по конкретному поводу, заведомо не претендующее на исчерпывающую трактовку предмета, новизна и субъективность, образность, афористичность, установка на разговорную интонацию и лексику, публицистический характер повествования, выступление на первый план личности автора [3]. Относительная композиционная строгость, логическая четкость как дань традициям классицизма, но все же нарушаемая в стиле барокко авторскими отступлениями, составляет главное отличие произведения Батлера от эссе. Учитывая многослойность проблематики (религиозные, морально-этические, философские, правовые, политические вопросы, затронутые публицистом), можно предположить, что “The Case ...” явилась предпосылкой для перехода от морально-этического описательного эссе XVII века к философско-политическому эссе XVIII века [3].

Отчетливым является сходство “The Case ...” с жанром “характеров”, возникшим в начале XVII века благодаря имитации манеры греческого писателя Теофраста, которого считают создателем этого жанра. Для произведения Батлера характерна подчиненность всего описания раскрытию основного морального качества общества – лицемерия, этому служит ряд определений, сближение разноплановых понятий, усложненные приемы иносказания. Роднит произведения Батлера с “характерами” личностное эмоциональное участие автора в повествовании (“I suppose <...>”; “I hope <...>” “I shall need say no more”; “I believe <...>”). Анализируя памфлет Джона Кука, Батлер создает целостный морально-этический портрет последнего, как бы пополняя им собрание своих “характеров” – ярких описаний социальных типов Англии второй половины XVII века, которые отмечены критической направленностью, непосредственностью и простотой. Черты научного трактата сочетаются в них с элементами мемуарной прозы и представляют собой своеобразную энциклопедию по истории Англии XVII века. “The Case ...” особенно близко батлеровским “характерам” многообразием тем, демонстрирующих интерес публициста к острой социальной полемике. Лишь тон повествования со свойственными ему ораторскими интонациями риторических вопросов и отсутствием лаконизма, характерного для следующей эпохи, отличает “The Case ...” от жанра “характера”.

Произведение Батлера можно причислить и к жанру памфлета в силу следующих качеств: публицистический характер, резкая обличительность, полемическая направленность против определенного общественно-политического явления, определенный социально-политический “адрес” (“one of the Tribunes of the People” John Cook) определенная агитационная цель (“to answer the Libel” of John Cook <...>), эпиграмматическая тенденциозность, экспрессивность стиля (ирония, сгущенная до сарказма), патетика, броская афористичность, ораторские интонации, историческая конкретность обличения, мотивация создания характеров не логике сюжета, а согласно авторской идее – замыслом.

Важно отметить, что “The Case ...” не присуща “краткость лозунга”, характерная для большинства указанных малых публицистических жанров и составляющая их главное отличие (объем “The Case ...” 20 стр.). Но при всем разнообразии все эти жанры, в том числе и жанр “The Case ...”, являются “видовыми различиями одного родового явления – публицистического стиля, как определенной социально-осознанной формы речи” [5; 21].

Умелое использование С. Батлером техники морализаторской проповеди, качеств нравоописательного очерка, приемов ораторской речи, страстности политического памфлета дает нам право говорить о конгломеративности жанра “The Case ...”. С нашей точки зрения, жанр батлеровского “discourse” – это, прежде всего, синтез ораторской речи и памфлета, где доминирующим является ораторский подстиль публицистики. Выступление писателя против лицемерия, ренегатства и несправедливости представляют собой имитацию судебного разбирательства. Подобная имитация как художественный прием была известна и до Батлера. В XVI–XVII веков форму “защит” принимают выступления писателей, которые страстно отстаивали свои эстетические взгляды, свой стиль (Сидни, Спенсер, Бэньян). “The Case of K. Charles I. Truly Stated” (“Судебное дело короля Карла 1”) настраивает нас на острую полемику. “The Case ...” в некоторой степени явилось своеобразным выражением юридической компетентности Батлера. Идея, композиция, обилие политической терминологии, клише, многообразие стилистических приемов свидетельствуют о близости жанра “The Case ...” ораторскому подстилю публицистики, обозначая перспективу дальнейшего исследования батлеровской прозы.

Литература

1. Андреев М. Л. Итальянская культура зрелого и позднего Возрождения / М. Л. Андреев, Р. И. Хлодовский. – М. : Наука, 1988. – 371 с.
2. Баткин Л. М. Замечания о границах Возрождения / Л. М. Баткин // Советское искусствознание. – 1978. – № 2. – С. 112–128.
3. Березкина В. И. Формирование и пути развития жанра эссе в английской литературе XVII в. / В. И. Березкина. – Днепропетровск : ДГУ, 1984. – 126 с.
4. Веселовский А. Н. Три главы исторической поэтики / А. Н. Веселовский. – М. : Наука, 1989. – 327 с.
5. Виппер Ю. Б. О “семнадцатом веке” / Ю. Б. Виппер // XVII век в мировом литературном развитии. – М., 1969. – С. 134–157.

6. Гальперин И. Р. К проблеме дифференциации стилей речи / И. Р. Гальперин // Проблемы современной филологии. – М., 1965. – С. 35–48.
7. Зыкова З. П. “Опыты” Монтеня и проблема зарождения жанра эссе / З. П. Зыкова // Филологические науки. – 1980. – № 4. – С. 87–112.
8. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев, М. Л. Гаспаров [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М., 1994. – С. 3–38.
9. Литературный энциклопедический словарь / ред. В. Н. Кожевников, П. А. Николаев. – М. : Наука, 1987. – 576 с.
10. Лихачёв Д. С. Два типа границ между культурами / Д. С. Лихачёв // Очерки по философии художественного творчества. – СПб, 1999. – С. 24–38.
11. Лихачёв Д. С. Поэзия садов / Д. С. Лихачёв. – М. : Наука, 1982. – 228 с.
12. Михайлов А. В. Языки культуры / А. В. Михайлов. – М. : Гносис, 1997. – 257 с.
13. Надъярных М. А. Изобретение традиции, или Метаморфозы барокко и классицизма / М. А. Надъярных // Вопр. Литературы. – 1999. – № 4. – С. 72–81.
14. Пахсарьян Н. Т. XVII век как “эпоха противоречия” : парадоксы литературной целостности / Л. Г. Андреев, Г. К. Косиков, Н. Т. Пахсарьян [и др.] // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. – М., 2001. – С. 40–68.
15. Семешко Н. М. Поэма С. Батлера “Гудибрас”. Вопросы метода, жанра, стиля : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.04 / Семешко Нина Михайловна. – Днепропетровск, 1985. – 236 с.
16. Силюнас В. Стиль жизни и стили искусства : маньеризм и барокко в Испании / В. Силюнас // Советское искусствознание. – 1999. – № 1. – С. 79–102.
17. Ястребова Н. А. Формирование эстетического идеала и искусство / Н. А. Ястребова. – М. : Наука, 1976. – 342 с.
18. Basin G. Classique, baroque et rococo / G. Basin. – P., 1956. – 376 p.
19. Brunetiere F. Le XVIIe siecle / F. Brunetiere // Histoire de la litterature francaise classique. – P., 1912. – V. 3. – 386 p.
20. Butler S. “The Case of K. Charles I. Truly Stated” / S. Butler. – Coll. “The Posthumous Works ...”. – L., 1689. – P. 48–68.
21. Gaillard F. Analyse de periodisation litteraire / F. Gaillard. – P., 1972. – 276 p.
22. Galperin I. R. Stylistics / I. R. Galperin. – M., 1981. – 286 p.
23. Lanson G. Manuel bibliographique de la litterature francaise moderne, 1500–1900 / G. Lanson. – P., 1910. – 978 p.
24. Quitana R. Samuel Butler. A Restoration Figure in a Modern Light / R. Quitana.
25. Tapie V. Baroque et classicisme / V. Tapie. – P., 1967. – 348 p.
26. Wolfzettel Fr. Le discours du voyageur / Fr. Wolfzettel. – P., 1996. – 186 p.

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты проблематизации того конкретно-исторического соотношения концептов жанра, стиля и автора, которым определяется историко-литературный облик “столетия барокко и классицизма” как “эпохи противоречия”. В ходе анализа опыта авторского “остранения” риторической системы жанров и стилей, воплощённого в произведении самобытного английского сатирика XVII века С. Батлера “The Case of K. Charles I. Truly Stated” выявляется проложенный писателем путь освоения способа стилеобразования, утверждённого классической риторикой, в качестве принципа многосоставной жанровой организации, обеспечивающего индивидуально-творческое преодоление поэтологической нормативности художественного сознания “на переломе” традиционализма.

Ключевые слова: жанр, стиль, автор, риторико-публицистическое начало.

Анотація

У статті розглядаються основні аспекти проблематизації того конкретно-історичного співвіднесення концептів жанру, стиля і автора, яким визначається історико-літературний образ “доби бароко і класицизму” як “епохи протиріччя”. У ході аналізу досвіду авторського “осторонення” риторичної системи жанрів та стилів, втіленого у творі самобутнього англійського сатирика XVII ст. Семюеля Батлера “The Case of K. Charles I. Truly Stated” виявляється прокладений письменником шлях освоєння способу стилетворення, ствердженого класичною риторикою, в якості принципу багатоскладної жанрової організації, що забезпечує індивідуально-творче подолання поетологічної нормативності художньої свідомості “на зламі” традиціоналізму.

Ключові слова: жанр, стиль, автор, риторико-публіцистичний початок.

Summary

In the article the aspects of the problematization of the concrete historical relationships of the concepts of author, genre and style defining in the literary history the image of the age of the Baroque and Classicism as an époque of contradiction are taken into consideration. Analyzing the experience of the author's rearrangement of the rhetorical genre and style system embodied in “The Case of K. Charles I. Truly Stated” by the outstanding English satirist of the XVIIth century Samuel Butler one should reveal the writer's way of the realization of the style-matrix of the Rhetoric as a genre-model destructing the poetological norms of the artistic consciousness at the end of the traditional period.

Keywords: genre, style, author, rhetoric-publicistic source.

УДК 316.774

Мороз В.Я.,
кандидат філологічних наук,
Класичний приватний університет

КОНЦЕПЦІЯ ПОГЛЯДІВ МИСЛИТЕЛІВ ДАВНЬОГО СХОДУ НА ІНФОРМАЦІЮ ПРО СЛОВО-СИМВОЛ ЯК НОСІЯ ПЕВНОГО ЗМІСТУ У ПРОЦЕСІ КОМУНІКАЦІЇ

Постановка проблеми. Проблема з'ясування природи комунікації, комунікаційної моделі суспільного життя набуває сьогодні особливої ваги й актуальності. Саме комунікація забезпечує існування соціальної пам'яті, передає і зберігає інформацію від одного покоління до іншого, відповідає тим вимогам і завданням, яке ставить перед нею суспільство. Якщо воно досягає високого рівня розвитку, то відповідно виникає потреба у створенні державної мови, суспільство переходить від усної форми спілкування до реалізації писемної його форми. Індивідуальна пам'ять унеможливорює передачу й збереження такої інформації, оскільки не може містити значний за обсягом матеріал, який необхідний для функціонування суспільства. Тому можливості усної комунікації обмежуються у часі і просторі.

У дописемні часи віра предків зберігалась в усній формі. З покоління в покоління передавались міфи і ритуали, у яких не змінювались ні звуки, ні їх вимова. Вони були єдиною скарбницею всіх досягнень людини. Міфи всіх цивілізацій містили інформацію про божественне походження писемності, про цінність якої люди пам'ятали завжди, а сама можливість писати і читати належала